

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(73)“1953/...”+572(=1.73)_(=81)/(=82)

КЕРАМИКА ХОПИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ИССЛЕДОВАНИИ Л.С. МАК ЧЕСНИ¹

Л. С. Быша

Тверской государственный университет, кафедра всеобщей истории, г. Тверь,
Россия

Статья посвящена изучению керамики женщин-гончаров индейского народа Хопи (Аризона), к которому обратилась американский антрополог Л. С. Мак Чесни с целью описать явление физической и психологической травмы, пережитой в детском возрасте, используя понятия «cracked pot» (треснутый горшок) и «crackpot» (ненормальный) как межкультурные метафоры телесных заболеваний. Гончарное искусство мастеров Хопи становится, таким образом, не только культурным осмыслением феномена травмы, но и кодификацией неосознанного эмоционального опыта, трансформированного в материальном объекте как выразителе целостности или раздробленности (в случае травмы-трещины) формы социального присутствия.

Ключевые слова: керамика Хопи, этнография, травма, социальный организм, культурная антропология.

Л. С. Мак Чесни – американский антрополог, преподаватель Нью-Йоркского университета, куратор Антропологического музея Максвелла². Ее исследование фокусируется на материальной и выразительной культуре туземных народов. Работая на юго-западе США, Мак Чесни изучает трансформацию туземного искусства в XX в., подчеркивая роль коренных знаний и художественного замысла в контексте критического осмысления западных институциональных практик. В течение почти 20-ти лет Мак Чесни сотрудничает с одной из представительниц женщин-гончаров Хопи – К. Кахэ Чарли, разрабатывая проект культурного наследия для музея Пибоди, призванный преодолеть разрыв между объективным и эмпирическим гончарным знанием, еще не вписанным в культурный канон, изучая способы представления культурной памяти, запечатленной в гончарной эстетике Хопи³.

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А. В. Белова.

² *Lea S. McChesney* // New York University. Department of Anthropology. URL: <http://anthropology.as.nyu.edu/object/anthroalumni.leasmcchesney> 27/04/16. Date accessed: 14 Jan. 2016.

³ *McChesney Lea S.* Museums and Antiquarian Anthropology: Past, Present, and Future // *Practicing Anthropology*. Summer 2015, Vol. 37, No. 3, P. 66–67.

В своей работе «Сломанные тела»⁴ Мак Чесни изучает опыт травмы и ее последствия через аналогию с керамикой народа Хопи (индейская резервация Пуэбло на северо-востоке Аризоны), ставшей объектом её изучения во время полевой работы среди женщин-гончаров в общине Меса. На основе западной теории «большого депрессивного расстройства», берущего начало из опыта насилия в детстве, Мак Чесни изучает корреляцию понятий «cracked pot» (треснутый горшок) и «crackpot» (ненормальный), используемых в качестве культурных метафор для описания болезней взрослых, возникающих в результате «формирующей травмы»: опыта травматического сексуального насилия в детском возрасте.

Как правило, изучение телесности сосредоточено исключительно на человеческом теле как локусе опыта⁵. Этнографические исследования физической и эмоциональной травм, полученных в результате сексуального насилия, не столько сосредоточены на физическом воздействии последнего на тело человека, сколько обращены к «ментальному» здоровью: как, например, перенесшие насилие женщины заново переосмысливают своё существование, соотносят себя с миром, переживают свою автономность⁶.

В представлении женщин-гончаров Хопи процесс изготовления керамики является непосредственным отражением процесса социализации человека и его идентификации в обществе. Так, горшок, который не разогрет сперва в кухонной печи, станет негодным, т.е. неготовым для главного испытания жизни – появления в мире, и его можно будет использовать только в качестве черепка защитного покрытия для другого горшка при будущем обжиге. В соответствии с инструкцией опытных гончаров Месы, деформированные горшки не могут ни «звучать» в социальном взаимодействии с другими, ни самостоятельно циркулировать в мире, принося экономический прирост их изготовителям. Невнимательная обработка на первой ключевой стадии означает, что эти горшки будут иметь редуцированную или неполноценную социальную жизнь. По утверждению Л. Мак Чесни, Хопи-концепция треснувшего горшка освещает опыт «физического разрушения» и «психического заболевания» с целью устранившегося от использования разговорного клейма «сумасшедший».

Абстрагируясь от вопросов культуры, класса, расы, поколений, географии и истории, Мак Чесни сравнивает две дескрипции человеческого опыта: описание разбитого объекта (горшка) и собственный опыт физического и психологического срыва, который она пережила во время получения своего докторского колпака на съезде Нью-Йоркского университета в 2003 г. Паника, бессвязная речь, фрустрация, агрессивность и раздражи-

⁴ McChesney Lea S. The Body Breaks: Narrating Child Sexual Abuse through Transcultural Metaphors of Bodily Dis-ease // *Voices*. Vol. 10, No. 1. Fall, 2010. P. 31–37.

⁵ E.g.: Csordas T.J. Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and the Self. Cambridge, N.Y., 1994.

⁶ E.g.: Brison S.J. Outliving Oneself: Trauma, Memory, and Personal Identity // *Feminists Rethink the Self*. Boulder, 1997. P. 12–39. Winkler C. One Night: Realities of Rape. Walnut Creek, 2002.

тельность, лихорадка, бессонница, потеря аппетита, хроническая мышечная боль, также подозрительность и суицидальность – таково было терапевтическое описание её нового «PhD статуса»⁷. Эта физическая и умственная недееспособность потребовала временной госпитализации и комплексной психиатрической помощи, результатом чего стало для неё чувство глубокого и непреходящего уныния.

Исследовательница отказалась от поступления в психиатрическое учреждение из-за опасений дальнейшей социальной изоляции и стигматизации. На фундаментально-научном уровне она ощущала, что главным фактором её болезни послужило разочарование вследствие реализованного желания стать социально полезной.

Гончарные знания Хопи-женщин представляют собой как культурное, так и практическое понимание средств, необходимых для того, чтобы построить идеальные социальные существа, которые имеют применение далеко за пределами гончарных общин и их резерваций. В сущности, гончарное знание кодирует то, что человеческое тело претерпело от неучтённой детской травмы, как физической, так и психологической.

Хопи горшки фактически выявили и объективировали концепт о правильных социальных отношениях, которые создают и индексируют здоровое существование: акцент на тесном физическом и эмоциональном контакте в формировании социального существа, свободного от межличностной доминанты или давления; избежание телесных повреждений и внимание к их последствиям в случае травм; и роль выраженных эмоций для общественно-здорового существования. Чтобы описать внутренний мир керамики, гончары используют тот же язык, как и для предпочтительных общественных отношений, которые они оценивают как «закрытые». Закрытость в гончарном деле характеризуется физической близостью и индексируется коллективным настроением. Гончары говорят, что не могут заставить глину принять определенную форму, но вместо этого направляют ее своими умелыми руками. Гончар буквально вдыхает жизнь в свой горшок, помогая ему реализовать потенциал, заложенный в него глиной.

По мысли Л. Мак Чесни, горшки Хопи трансформировали людей, а глина явилась средой для реализации человеческого творчества и генеративного потенциала, помимо всего тесно связанного с женским телом. Подобно детям, горшки рождаются женщинами путём обжига. По словам гончаров, горшок «рождается через огонь», чтобы стать «whole and beautiful as all our children»⁸ (цельным и красивым, как наши дети. – *здесь и далее перевод с англ. мой. – Л. Б.*). В буквальном и переносном смысле горшечной концепции, глина исходит от Матери-Земли.

Несмотря на то, что горшки – результат женского труда, они гендерно нейтральные социальные существа, маркированные элементами человеческой анатомии: у них есть губы, рот, плечи, живот. Полноценный горшок также имеет свой голос: звонкий или глухой, который артикулиру-

⁷ McChesney Lea S. The Body Breaks... P. 31.

⁸ Ibid, P. 32.

ется через социальное взаимодействие. Немаловажно, как, подобно человеческому лицу, горшок показывает эмоции через «румянец», краску смущения («blush»). Особенность керамики раскрывается только в процессе технологической трансформации (обжига), которая находится за пределами человеческого контроля. Керамический «румянец» говорит о живом характере горшка и определяет степень его красоты. Для человеческого лица покраснение – скоропреходящий процесс, обнаруживающий эмоции. В культурном же теле керамики Хопи процесс обжига переносит внутреннее состояние существа к внешнему и фиксирует его в качестве перманентного. Румянец изделия демонстрирует положительный результат нравственной работы. Гончарные знания Хопи кодируют культурное созревание общественного существа, его правильную подготовку к вступлению в мир в жизнеспособной форме, на основе которой можно создать новые. Желаемый золотой окрас готового горшка является как результатом, так и проявлением теплой эмоциональной реакции, воспроизводя и обеспечивая непрерывность этого чувства во времени и пространстве.

Через критико-эстетическую особенность «смущения» культурное тело горшка Хопи выстраивает концепцию идеального социального существа, чья материальность обнаруживает перманентные положительные эмоции как константу его существования. Хопи горшки предоставляют иной способ рассказать о человеческом бытии и являются альтернативной формой выражения жизнеспособного социального присутствия. В концепции Хопи, эмоции, особенно пылкие, теплые, являются важной характеристикой феноменологического присутствия в мире, которая стимулирует социальное взаимодействие и усиливает межсубъектные связи. Проявление тёплых чувств, которые способствуют общительности, является индикатором физического здоровья, как для человека, так и для коллектива. Основываясь на аналогии Хопи, на месте термина «психическое здоровье» более уместным будет употребление понятия «эмоциональное здоровье». По мысли Л. Мак Чесни, более широкое применение этой терминологии может привести к снятию уничижительного ярлыка «психического заболевания» и его разговорной снисходительной формы «ненормальный».

Женщины Хопи готовят этот культурный организм, совсем как личность в его непосредственной социальной сети, к возможной травме как физическому и эмоциональному опыту, так как физическая недееспособность (трещина или раскол) несет эмоциональную потерю: из-за неспособности горшка звенеть, он становится негодным и «недоразвитым», и усилия даже самого лучшего гончара не смогут обеспечить его потенциалом для достижения успешной социальной жизни. Тем не менее, несмотря на любые недостатки, это существо будет социализировано, так как хопи утверждают, что ни горшки, ни люди не должны остаться одинокими. Гончары заботятся о последствиях неблагоприятного или травматического опыта на формирующих этапах жизни и их длительном воздействии на здоровье и целостность не только личности, но и всего коллективного организма.

Гончары должны обрабатывать внутренние стенки горшка так же тщательно, как и внешние. Плохо обработанная глина или отсутствие внимания ко всем этапам «созревания» сосуда приведет к появлению тонких трещин или полной потере изделия при обжиге. Это потеря не только отдельного объекта, но, что более важно, социального тела в большом пространстве гончарной цепи, а также потенциальной возможности установления более широких социальных отношений, так как, по словам мастеров, гончарное дело соединяет тебя с другими⁹, являясь своего рода центром социализации.

Тем не менее, даже несовершенный горшок со смазанной поверхностью или трещиной играет важную роль, устанавливающую социальные отношения. Треснутые горшки преподносятся в качестве подарков и используются в локальном контексте, а не утилизируются в результате их изъянов. Признавая интенсивность труда и риск потери в каждом горшке, члены общины ценят их очень высоко, сознавая, что люди не должны стремиться к совершенству.

Так, повреждённый горшок стал для исследовательницы подарком со стороны К. Черни в знак дружбы и расширение социального мира последней путём вовлечения Мак Чесни в его эстетику. «Треснутые горшки» как личностность, которую они воплощают, остаются неотъемлемой частью общественной жизни Месы. Несмотря на их несовершенства, эти горшки воплощают культурные ценности, которые пробудили их к жизни.

Подобной жизненной «хрупкости» подвержены и социальные существа, перенесшие грубую обработку на первой стадии своего изготовления, иначе говоря, дети, подвергшиеся сексуальному насилию, обретают трещину, которая вырывает их из социально безопасного социального контекста, оставляя хрупкие жизни незрелыми для общественного существования.

Л. Мак Чесни называет сексуальное насилие над детьми (CSA) межличностным, микрополитическим насилием, что предполагает несправедливость со стороны власти, приводящую к принуждающей деятельности сексуального характера. Согласие ребенка невозможно не только из-за возраста или социального и эмоционального созревания, но, что более важно, из-за асимметрии власти. Эксплуатируя уязвимость ещё не сформировавшегося общественного существа, насилие разрушает сердце межличностных отношений¹⁰.

Чувство раздробленности своего существования является нормативным явлением для взрослых, которые испытали сексуальное насилие в детстве, но не все, кто это пережил, воспринимают насилие как травму. Что же отличает детский опыт травмы? Любая травма является субъективно структурированной формой знания¹¹. Для взрослых потерпевших травма

⁹ McChesney Lea S. The Body Breaks... P. 33.

¹⁰ Mullen E., Fleming J. Long-term Effects of Child Sexual Abuse // Child Abuse Prevention. Issues 9:1-18, 1998.

¹¹ Giller E. What Is Psychological Trauma? // Sidran Online. URL: <http://www.sidran.org/whatisstrauma.html>, accessed October 17, 2006. Date accessed: 14

подразумевает полную потерю себя посредством абсолютного контроля со стороны другого, в результате чего возникает чувство эмоционального, когнитивного и физического потрясения¹². Травма заключает в себе двойственность сознания и тела, выдвигая на передний план повышенное эмоциональное сознание. Как указывает К. Винклер, погребение травмы, задерживая, усиливает действие мин страха, имплантируемых в тело и сознание через травматический опыт¹³. Травматические эффекты часто кумулятивны, поэтому повторные случаи насилия в детском возрасте обнаруживают более серьезные виды психического расстройства во взрослой жизни¹⁴.

CSA нарушает ход развития общественного организма и угрожает формирующейся целостности его личности, так как ребёнка принуждают молчать не столько его обидчики, сколько социальная скованность из-за того, что публика наклеит на него ярлык сексуально неполноценного члена общества. Грубая сила, побуждающая к этому молчанию и лишаящая ребёнка его субъективности, накладывает жестокий урок во взрослой реальности, где царят иерархия и субординация. Это те понятия, с помощью которых ребенок приходит к пониманию жизни и вхождению в мир. В то время как взрослые в результате травм испытывают замедление привычного хода жизни¹⁵, травматический опыт насилия в детстве знаменует её остановку¹⁶. Эта травма ставит под угрозу то основание, на котором зиждется возможность стать самостоятельной и самодостаточной личностью.

Единичные и даже многократные случаи насилия могут не осознаваться ребёнком как травматические. Если эмоционально абстрагироваться, ребёнок может думать, что это унижительное обращение является средством получения признания. Происходящее является травматическим в случае отсутствия эмоционально благоприятного контекста, в котором можно артикулировать свой страх. Чем больше социальная изоляция и чувство стыда, тем сильнее парализует травма и большая вероятность того, что ребёнок столкнётся с нарушениями в процессе созревания¹⁷. Дети и затем взрослые, испытавшие CSA, замыкаются как через структурные элементы общества, так и через обесценивание эмоционального фона человека в американском культурном пространстве. Термин «crackpot» (ненормальный) указывает на существо, которое сломано, социально подавлено и не имеет

Apr. 2016; *Winkler C.* Rape Trauma: Contexts of Meaning // *Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and Self.* Cambridge, N.Y., 1994; *Kleinman A., Kleinman J.* Suffering and Its Social Transformation // *Writing at the Margins: Discourse Between Anthropology and Medicine.* Berkeley, 1995. P. 101.

¹² *Giller E.* Op. cit.

¹³ *Winkler C.* One Night...

¹⁴ *Giller E.* Op. cit.

¹⁵ *Scarry E.* The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World. N.Y., Oxford, 1985. P. 9.

¹⁶ *Giller E.* Op. cit.

¹⁷ *Herman J.* Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence – from domestic abuse to political terror. New York: Basic Books, 1992. P. 114.

определённого эмоционального статуса, тем самым стигматизируя это хрупкое существо и урезая его социальный потенциал.

Как отмечает С. Брисон, для понимания феномена травмы не достаточно рассказать о ней: нужно выразить её через краски или запечатлеть на плёнке, чтобы другие могли видеть или слышать её в целях собственного выживания¹⁸. Л. Мак Чесни акцентирует, что этнография конструирует знания не исключительно в диалоге, но путём соматического включения и использования физических, когнитивных и эмоциональных способностей в многочисленных аспектах, о которых исследователь может не подозревать во время полевых работ – то, что антрополог А. Гримшоу называет методологией, описывающей «*embodied ways of working*»¹⁹ (воплощенные способы работы). Этнографические основания заключаются не только в познании, но и в соматическом представлении и эмотивном содержании, которые могут происходить как из диссонанса и столкновения культурных ценностей, так и из аналогии с подобным опытом²⁰. Даже когда аналогии сделаны, они могут лежать на более глубоком уровне, чем предполагалось, а понимание «туземной точки зрения» может иметь глубинные основания для самопонимания.

В этом смысле определяющим для понимания работы Л. Мак Чесни оказывается её непосредственный личный опыт, а именно факт сексуального насилия, пережитого в детстве²¹. На тот момент, когда Л. Мак Чесни изучала керамику Хопи, она ещё не была матерью²². Изучение гончарного дела сделало её более чувствительной к соматическим тонкостям формирования и доведения до совершенства нового социального существа.

Полевая работа дала Мак Чесни знания, непосредственно связанные с её травмой, знания о том, как противостоять этому опыту посредством альтернативного культурного осознания, дала средства, чтобы переосмыслить свои травматические переживания детства²³. Исследовательница отмечает настойчивость женщин Хопи, побуждающих её учиться ценить керамику, так как «они разбудили меня от моего убогого эмоционального существования»²⁴. Полевая работа становится для Л. Мак Чесни не столько изучением керамического искусства Хопи, сколько формой переживания и переосмысления себя. Её участие в жизни Месы, духовная близость с людьми, которые ее окружали (такие как Карен Кахэ Чарли, Вилмер Кавена, ее «Хопи-отец»), которые делили с ней свою жизнь, свою мудрость, – все это позволило Мак Чесни реабилитировать себя в мире, продолжить «себя», ощущая сопричастность и нужность этому миру.

¹⁸ Brison S. J. Op. cit. P. 29.

¹⁹ *Anthropologies of Art*. The Clark Conference notes, 25-26 April 2003. New Haven: Yale university press, 2003.

²⁰ Cf. Meneley A. Analogies and Resonances in the Process of Ethnographic Understanding // *Ethnos* 63(2), 1998. P. 202–226.

²¹ *McChesney Lea S. The Body Breaks...* P. 32.

²² *Ibid.* P. 36–37.

²³ *Ibid.* P. 34.

²⁴ *Ibidem.*

В то время как гончары утверждают, что горшок не может быть переделан после обжига, рассказы от лица уцелевших в угрожающих жизни обстоятельствах показывают, что они могут переделать – даже пережить – себя после травмы²⁵. Эта само-реконструкция включает в себя моделирование повествования о своём опыте и представление его эмпатической аудитории для того, чтобы восстановить собственное благополучие. Пережившие травму во взрослом возрасте могут противостоять как самой травме, так и психологической дискриминации, борясь за рекламацию в условиях перенесённых последствий насилия. В отличие от травмы зрелого социального организма, пережившие травматический опыт в детстве должны вновь установить свой социальный статус в телесной и эмоциональной целостности. В случае взрослых, которые пережили насилие, антропологический урок керамики Хопи – это этнографическое знание, подобное глине, из которой вылепляются жизненные формы, оно обеспечивает средства к расширению межкультурного понимания феномена травмы. Более того, это знание обеспечивает основание для поддержания жизни: переосмысления, воплощения и выражения целостности бытия-в-мире.

Список литературы:

1. *Brison S.J.* Outliving Oneself: Trauma, Memory, and Personal Identity // *Feminists Rethink the Self*. Boulder: Westview Press, 1997. Pp. 12–39.
2. *Csordas T.J.* Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and the Self. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1994.
3. *Giller E.* What Is Psychological Trauma? // Sidran Online. URL: <http://www.sidran.org/whatisa trauma.html>. Date accessed: 14 Apr. 2016.
4. *Herman J.* Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence – from domestic abuse to political terror. New York: Basic Books, 1992. P. 114.
5. *Kleinman A., Kleinman J.* Suffering and Its Social Transformation // *Writing at the Margins: Discourse Between Anthropology and Medicine*. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 101.
6. *McChesney Lea S.* // New York University. Department of Anthropology. URL: <http://anthropology.as.nyu.edu/object/anthroalumni.leasmcchesney> 27/04/16. Date accessed: 14 Jan. 2016.
7. *McChesney Lea S.* Museums and Antiquarian Anthropology: Past, Present, and Future // *Practicing Anthropology*. Summer 2015, Vol. 37, No. 3, pp. 66–67.
8. *McChesney Lea S.* The Body Breaks: Narrating Child Sexual Abuse through Transcultural Metaphors of Bodily Dis-ease // *Voices*. Vol. 10, No. 1. Fall, 2010. P. 31–37.
9. *Meneley A.* Analogies and Resonances in the Process of Ethnographic Understanding // *Ethnos* 63(2), 1998. P. 202–226.
10. *Mullen E., Fleming J.* Long-term Effects of Child Sexual Abuse // *Child Abuse Prevention*. Issues 9:1-18, 1998.

²⁵ *Brison S.J.* Op. cit.

11. Scarry E. The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 9.
12. Winkler C. One Night: Realities of Rape. Walnut Creek: Altimara Press, 2002.
13. Winkler C. Rape Trauma: Contexts of Meaning // Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and Self. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1994

HOPI CERAMICS AS A CULTURAL CODE IN RESEARCH OF L. S. McCHESNEY

L. S. Bysha

The Tver' State University, the Department of General History, *Tver', Russia*

The article is devoted to the study of Hopi women pottery (Indian reservation in Arizona), which the American anthropologist L.S. Mc Chesney addressed to describe the phenomenon of physical and psychological trauma experienced in childhood. She uses the concept of «cracked pot» and «crackpot» as a cross-cultural metaphors of body diseases. The author's research reflection is of particular importance since it means rethinking personal traumatic experiences of childhood. Accordingly Hopi pottery masters is not only the cultural comprehension of the phenomenon of trauma but the codification of unconscious emotional experience transformed into a matter as the exponent of the integrity or fragmentation (in the case of a crack) forms of social presence.

Keywords: *Hopi ceramics, ethnography, trauma, social organism, cultural anthropology.*

Об авторе:

БЫША Лидия Сергеевна – аспирантка, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: lidiya_bysha@mail.ru

About the author:

BYSHA Lidia Sergeevna – the Postgraduate Student, the Department of General History, the Tver State University, (170100, Russia, Tver', Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: lidiya_bysha@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2016 г.